ГЕОРГИЙ

САВИЦКИЙ

ТАНКОВЫЙ ТАРАН

«Машина пламенем объята...»

Георгий Савицкий

Танковый таран. «Машина пламенем объята…»

«Махров»

2013

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савицкий Г. В.

Танковый таран. «Машина пламенем объята…» /
Г. В. Савицкий — «Махров», 2013

ISBN 978-5-699-99490-8

Они прошли через беспощадную «мясорубку» самых отчаянных и кровавых танковых сражений 1941 года. Их считают «заговоренными» за невероятное везение и живучесть, хотя секрет тут не в удаче, а в спокойной «зрячей» отваге и огромном боевом опыте. Они уже сами сбились со счета, сколько раз горели в подбитых танках и меняли потерянные машины, пересаживаясь с тяжелого КВ на огнеметную модификацию «тридцатьчетверки» ОТ-34, а с нее — на легкий Т-50, заброшенный во вражеский тыл на бомбардировщике ТБ-3 в варианте «КТ» («Крылатый Танк»). Но теперь, в разгар Ржевского побоища, им придется принять свой последний бой… Пусть плавится в адском пекле танковая броня, заклинивает раскаленные башенные орудия и захлебываются от перегрузки 500-сильные дизеля — русский солдат крепче броневой стали! Когда израсходован весь боекомплект, когда не осталось ни одного снаряда в боеукладке, ни единого патрона в пулеметной ленте — советские танкисты идут на таран!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99490-8

© Савицкий Г. В., 2013
© Махров, 2013

Содержание

*****	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Георгий Савицкий
Танковый таран. «Машина пламенем объята…»

© Савицкий Г., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*****

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.
И во всем этом мире
До конца его дней
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.
Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;
Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;
Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет…

Твардовский А.Т.
Я убит подо Ржевом

Пролог
«Долина смерти»

Саперная лопатка с сухим скрежетом врезалась в суглинок, перевитый корнями деревьев. Пот стекал по лбу, под пологом густого леса было душно – просто нечем дышать, назойливо звенела мошкара, норовя забиться в глаза и рот. Грязь, везде грязь, тяжелая влажная глина налипала на одежду и сапоги, вокруг хлюпала раскисшая жижа…

Тяжело отдавала земля заключенные в безмолвный плен свидетельства той страшной драмы, которая развернулась здесь в январе 1942 года. Мы с другом копали здесь уже месяц и уже навидались всякого. Самое страшное – груды костей, которые мы выворачивали буквально из-под дерна. Особенности суглинистой почвы таковы, что сохраняются не только костные останки, но и волосы с клочьями полусгнившей кожи, ногти. Плотная глина не пропускает кислород и «консервирует» останки людей. Гиблое место – «Долина смерти».

Повлек нас с товарищем чисто исторический интерес. Хотелось «покопать» для себя. Но стали мы не археологами, а могильщиками. Патологоанатомами истории. И уже не очередной железной «цацке» радовались, а бакелитовому[1] медальону с данными погибшего красноармейца… Правда, ветхие бланки большей частью оказывались пусты: болотная вода не хуже кислоты растворяла чернила. Но кое-что мы сумели разобрать…

Здесь, под Вязьмой, в густых и непролазных лесах и топких болотах, были окружены и пробивались к своим красноармейцы и командиры 33-й армии генерала Ефремова. Пробивались тяжело и страшно: под непрерывным огнем гитлеровцев, бросая лишние предметы обмундирования и амуниции. Изможденные голодом и холодом, по колено, а то и по пояс в снегу, солдаты вели встречный бой, продираясь сквозь бурелом… Сколько полегло их здесь – одному богу известно. Сам генерал Ефремов с небольшой группой тоже прорывался к своим, но в ночном бою был трижды ранен и, не желая сдаваться в плен, застрелился.

Тело мужественного генерала немцы вскоре нашли и похоронили со всеми воинскими почестями. Над могилой командующего 33-й армией выстроили в две шеренги немецких солдат и пленных русских.

– Kampf für Deutchland genauze tapf wer General Efremov für Rusland kempfter! Сражайтесь за Германию так, как генерал Ефремов сражался за Россию! – сказал немецкий офицер. Даже мертвый советский генерал внушал гитлеровцам уважение и страх.

И теперь это место, как и многие другие в Ленинградской и Московской областях, в Западной Белоруссии и Украине называются коротким и страшным словосочетанием: «Долина смерти». Здесь повсюду кости, простреленные черепа, простреленные каски – наши и немецкие, проржавевшие винтовки, пулеметы. И самое опасное – «взрывоопасные предметы», или, как мы их называем, ВОПы. Снаряды, минометные мины, гранаты – все это пролежало в болоте полвека. От контакта с закисленной болотной водой взрывчатка изменяет свои свойства. Получаются новые опасные соединения, так называемые пикраты. Они детонируют от любого толчка, неосторожного движения. Детонаторы и предохранители тоже разъедены ржавчиной, и боеприпасы от этого становятся еще опаснее…

И все же интерес к этой настоящей, осязаемой истории привел нас в эти гиблые места. Но мы и не предполагали, что первое знакомство с историей станет таким… жутким. Ощущение такое, что это мы остались в этих лесах. И теперь каждая находка не радовала, а царапала стальными заусенцами сердце.

---

[1] **Бакелит** – единственный вид пластмассы, выпускавшийся в 1941–1945 гг.

– Эй, гляди, я что-то здесь нарыл! – кричит мне приятель, размахивая измазанной в земле лопатой.

Что там? Очередной безвестный костяк в истлевшей форме красноармейца образца 1941/42 года? Ржавый «максим»? «Мосинка» или изъеденный болотной водой пистолет-пулемет ППШ?

Подхожу к другу и молча начинаю копать. Лопата натыкается на что-то твердое, раздается отчетливый металлический лязг.

Начинаем копать с удвоенной энергией. Через несколько часов напряженной работы лопатами из-под слоя грязи появляется характерная угловатая и массивная башня тяжелого танка. «Клим Ворошилов»! Вот это находка!.. Ничего себе! Угрюмый исполин советской эпохи снова увидел солнечный свет после полувекового забвения. Его массивная башня была свернута с башенного погона, 76-миллиметровая пушка наклонена к левой гусенице.

Мы молча встали возле откопанного по башню стального исполина. Минута молчания в память тех танкистов, которые погибли здесь суровой зимой 1941/42 года. Вечная слава героям…

В последующие две недели мы продолжили переворачивать тонны слежавшейся грязи лопатами и очищать от ржавчины толстую бронированную «шкуру» тяжелого КВ-1. Танк сохранился вполне прилично, несмотря на полвека в болотной жиже. На броне советского тяжелого танка было множество отметин от снарядов. И несколько из них все же подбили КВ-1. Но даже смертельно раненный сталинский бронированный рвался вперед!

Вместе с товарищем мы продолжили копать. И обнаружили буквально вдавленный в болотистую почву «Панцер-IV»! Обе боевые машины сцепились мертвой хваткой в последнем, смертельном бою. Получается, что «Клим Ворошилов» был подбит и в последней отчаянной атаке таранил неприятеля!

А вокруг в болоте разбросаны и еще части разбитых танков, судя по всему – немецких. Что же за побоище здесь было в том далеком и страшном 1942 году, в самом его начале, когда подо Ржевом и Вязьмой погибли две наши ударные армии?

Башенные люки обоих танков были задраены – и немецкие, и наши танкисты не вышли из этого боя живыми…

Глава 1
Mein Gott!
Ich bin va innen ve a foine Insel!

«Бог мой! Я у вас здесь как на острове!» – так воскликнул командующий 9-й армией Вермахта генерал Вальтер Модель, когда попал на Ржевский выступ.

Как только стало ясно, что гитлеровское наступление на Москву терпит крах, Гитлер произвел командные перестановки. Вместо фон Бока командующим группой армий «Центр» стал осторожный и расчетливый Гюнтер фон Клюге. Он и освободил от командования 9-й армией Гейнца Гудериана. Вместо него был назначен «Feuerwehrmann das Fhürer» – «Пожарный Гитлера», Вальтер Модель. В немецком Генштабе этого генерала называли еще «Meister die Affenzive» – «Мастером отступления».

Однако войска группы армий «Центр» пока отступать не собирались. Всего в полутора сотнях километров от столицы Советского Союза находилась мощнейшая группировка Вермахта, насчитывающая двадцать семь дивизий. На участке Ржев – Вязьма образовался глубоко вдающийся в советскую оборону выступ, напоминающий коготь. И этот гитлеровский «коготь» был занесен над Москвой.

Советские войска измотали противника непрерывными контратаками, засадами и встречными боями. В результате зимнего контрнаступления под Москвой было освобождено одиннадцать тысяч населенных пунктов, в том числе и несколько городов. Части и подразделения группы армий «Центр» понесли поражение и были более неспособны наступать. Однако рассматривать события зимнего контрнаступления под Москвой как стратегический успех было чересчур самонадеянно. Никакого разгрома гитлеровских войск не произошло.

Однако после первого успеха лично Верховный главнокомандующий и председатель Народного комиссариата обороны Иосиф Сталин приказывает своим генералам развивать успех и продолжать наступление, преследуя гитлеровские войска. Этот категоричный приказ стал роковой стратегической ошибкой командования РККА и лично Сталина, командующего Западным фронтом Георгия Жукова и командующего Калининским фронтом Ивана Конева. Трагедия, которая будет длиться тринадцать месяцев на подступах к Ржеву и Вязьме, началась из-за стратегического просчета.

* * *

Гауптман Дитрих Штальманн наконец-то смог отдохнуть. Его потрепанное в боях подразделение отвели из первой линии обороны в Ржев. Танковый батальон под его командованием фактически прекратил свое существование, из положенных по штату трех десятков машин у него на ходу оставались лишь четыре. Еще два «Панцера-III» находились в ремонтном подразделении.

Но зато хоть экипажи смогли получить передышку. Они отъедались и отсыпались, успели выкупаться в бане и привести себя в нормальный, более подлежащий уставу вид.

Такое же положение было во всех бронетанковых подразделениях Вермахта. Танки, на которые делал ставку бывший командующий 9-й армией генерал-полковник Гейнц Гудериан, были уничтожены. Но с Запада, из Франции, уже прибывали новые эшелоны пополнения. Платформы с танками и орудиями, вагоны с пехотой и запчастями.

Правда, в последнее время гауптману Штальманну приходилось иметь дело с киркой и лопатой, а не с механизмами родного «Панцера».

Вермахт все основательнее вгрызался в землю. На подступах к Ржеву и Вязьме были созданы укрепрайоны с эшелонированной обороной, линиями траншей полного профиля, ДОТами и ДЗОТами, артиллерийскими и пулеметными позициями, колючей проволокой в несколько рядов. На углах улиц были вкопаны танки. Все подходы минировались, местность пристреливалась всеми имеющимися огневыми средствами.

Ржев, Гжатск, Сычевка, Вязьма были превращены в настоящие крепости. Хотя, надо сказать, поначалу в самом Ржеве стояли только артиллеристы и обозные части. Но все же города на немецком плацдарме были укреплены весьма солидно и подготовлены к круговой обороне. Видный историк Второй мировой войны Лиддел Гарт назвал их «города-бастионы».[2]

Еще 28 декабря 1941 года Главное командование Вермахта издало приказ об организации обороны, в том числе «*путем оборудования всех населенных пунктов и хуторов в опорные пункты, а также максимальным эшелонированием войск в глубину… На центральном участке Восточного фронта приступить к оборудованию тыловой позиции…*»[3].

В строительстве мощной системы полевой фортификации участвовали не только саперные батальоны Вермахта, но и вернувшиеся из отпусков солдаты, обозные подразделения. Немцами на строительные и земляные работы были мобилизованы и местные жители, которые не успели эвакуироваться из-за быстрого отступления Красной Армии летом и осенью 1941 года.

Передний край обороны немецких войск проходил по восточным окраинам городков и сел в районе Ржева, а также по дорогам между ними. Восточные опушки лесов и рощ немецкие саперы превращали в некоторое подобие «засек». Они срубали деревья на высоте полутора-двух метров, заостряли остовы, а срубленные стволы сваливали верхушками на восток. К тому же завалы еще и опутывались колючей проволокой, а зачастую – минировались.

Практически все каменные и деревянные дома, сараи и другие постройки были превращены в долговременные огневые точки с перекрытием в три-шесть рядов бревен, предохранявших от прямого попадания 76-миллиметровых снарядов.

Например, в Погорелом Городище каменные дома и подвалы были превращены в ДОТы с двумя-тремя амбразурами для стрельбы из пулеметов и легких пушек и оборудованы подземными ходами сообщения. В каждом опорном пункте имелось по несколько оборудованных позиций для противотанковых орудий, ротных и батальонных минометов.

А на оборонительной линии, проходящей через населенные пункты Ильино, Подсосенье, Космариха, Свиньино, Немцово, в течение мая – июня 1941 года немецкие войска соорудили 559 ДЗОТов и блиндажей, отрыли 280 окопов, 7 километров противотанковых рвов, оборудовали 23 с половиной километра лесных завалов.

Тогда же так называемая линия Кенигсберг севернее и восточнее Ржева была укреплена по всему фронту немецкой 9-й армии.

Сам Ржев достался немцам также практически без боя, и они обосновались здесь с прусской обстоятельностью. По вечерам на центральной площади города работал офицерский клуб.

Все солдаты и офицеры Вермахта жили в довольно комфортабельных условиях: в хорошо оборудованных блиндажах, землянках и домах. Командование занимало одну или несколько главных улиц, по ним запрещалось ездить. Также запрещалось ходить по ним и тем немногим местным жителям, которые оставались в оккупации.

Дома, в которых заселились немецкие офицеры, имели телефонную связь, электрическое освещение, а в некоторых были и полевые рации. Гитлеровцы пришли в Ржев всерьез и надолго.

Совершенно невероятно, но гитлеровцы для своей обороны использовали еще и… советские долговременные огневые точки! Капитальные фортификационные сооружения еще совет-

---

[2] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976.

[3] *Герасимова С.А.* Военные действия в районе Ржевско-Вяземского выступа в январе 1942 г. – марте 1943 г.: Ржевская битва. *Диссертация на соискание ученой степени к.и.н., защищена в мае 2002 г. в ТвГУ.*

ского Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа, который строился летом и осенью 1941 года. При отступлении Красной Армии осенью 1941-го их не успели взорвать, а немцы их укрепили, встроили в собственную систему оборонительных рубежей и использовали по прямому назначению. Собственно, а почему бы и нет? Не пропадать же добру… Ordnung und disciplinen! – все по-немецки[4].

Строительство укреппозиций гитлеровцы не останавливали ни на день. Знали, что вскоре последует наступление Красной Армии, и готовились…

* * *

Дитрих Шталльманн проснулся рано. В избе на окраине Ржева было жарко натоплено. Он подошел к окну – там рычал двигателем штабной бронетранспортер с большой рамочной антенной мощной радиостанции. Механик-водитель еле разогрел и завел застывший от мороза мотор. И теперь уже не решался его глушить.

Во дворе возле небольшого костерка грелся расчет зенитной автоматической пушки FlaK-30. Легкое 20-миллиметровое орудие обладало высокой скорострельностью и в основном служило для отражения угроз с воздуха. Но и по наземным целям пушка «работала» отлично. Тем более что у русских в избытке оставалось легких танков и бронеавтомобилей.

Гауптман отвернулся от окна и подошел к столу. Там стоял доверху наполненный кофейник на серебряном подносе. Офицер налил себе большую кружку и бросил несколько кусков пайкового рафинада. Вскоре предстояло идти на мороз, и Дитрих стремился набраться тепла напоследок. В сенях стукнула входная дверь. В комнату вошел посыльный из штаба танкового батальона и вскинул руку в нацистском приветствии.

Дитрих поморщился: он не любил партийной символики. А поскольку был без головного убора, то просто кивнул вошедшему. Но кофе отхлебывать не перестал.

– Здравия желаю, герр гауптман. Вас вызывают в штаб!

– Сейчас иду. – Дитрих допил кофе и с видимым сожалением поставил кружку.

Выйдя на мороз, Дитрих Шталльманн плотнее запахнул офицерскую шинель: ледяной ветер разом выдул жалкие остатки тепла из-под казенного обмундирования «на рыбьем меху». Офицер выдохнул облако пара и пешком направился в центр, где располагался штаб. Небо на востоке постепенно светлело, мгла непроглядной ледяной ночи уступала мутной серости короткого зимнего дня. Сумерки… «Сумерки богов» – Рагнарек, именно так и воспринимались многими в Вермахте события под Москвой.

Мимо по улице проехали полугусеничные тягачи, буксируя за собой длинноствольные орудия «acht-acht» – «восемь-восемь». Знаменитые зенитные пушки Flak.18/36 устанавливались на наиболее танкоопасных направлениях.

Только эти снаряды могли пробить наклонную броню тяжелых русских танков «Клим Ворошилов» и средних Т-34.

Полугусеничные машины шли по укатанному снегу вполне себе бодро, а вот следующие за ними грузовики «Опель-Блитц» с запасом снарядов пробуксовывали.

Со стороны железнодорожной станции слышалось пыхтенье, гудки паровоза, лязг вагонных сцепок. Звуки в морозном воздухе разносились далеко. В последнее время эшелоны на Восток шли сплошным потоком, гитлеровцам удалось переставить узкие «западные» колесные пары вагонов на «широкие» – русские. Да и на территории оккупированной Украины и Белоруссии оставалось достаточно брошенных при отступлении паровозов и вагонов.

Эшелоны наконец-то привезли пополнение: два десятка средних танков Pz.Kpfw III и Pz.Kpfw IV. А вместе с ними прибыли и экипажи – выпускники танковой школы в Оберн-

[4] Порядок и дисциплина! (*нем.*)

дорфе. Эту новость еще вчера Дитрих услышал в офицерском клубе. Свежие подразделения ждали еще неделю тому назад, но в Западной Белоруссии опять произошло крушение состава. Очередная диверсия партизан скорее всего.

Из-за угла вывернул строй пехотинцев под командованием обер-фельдфебеля. Солдаты Вермахта шли в ногу, печатая шаг, но в их глазах читались страх и тупая отрешенность. Они были измучены морозами и нападками унтеров. Только стальная прусская дисциплина позволяла им держаться и выполнять поставленные задачи. И ради чего? Чтобы потом получить медаль «За зимнюю кампанию на Востоке 1941/42 года»?.. Ее неофициальное название – «мороженое мясо» – сполна раскрывало смысл тех бесчисленных потерь в русских снегах, что понес Вермахт.

Вот и штаб. На крыльце двухэтажного каменного дома застыл часовой, по самые глаза закутанный шарфом и какими-то тряпками. При виде офицера он взял винтовку «Praesentiert das – Gewehr» – «на караул».

Дитрих Шталльманн вошел в избу, ординарец принял у него шинель.

Офицер поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Перед закрытыми дверями стоял еще один часовой с пистолетом-пулеметом МР-40 на груди. Шталльманн взялся за ручку двери.

– Guten morgen! – поприветствовал гауптман собравшихся в зале офицеров и щелкнул каблуками, став «Stillgestanden» – по стойке «смирно». – Герр полковник, по вашему приказанию прибыл!

За стенкой стучал телетайп, пищала рация. В избе было накурено, яркие карбидные лампы освещали развешанные по стенам карты, испещренные красными и синими пометками, стрелами и зубчатыми линиями. На столах также были разложены карты, схемы и штабные документы.

На окнах штабной избы белели крест-накрест наклеенные полоски бумаги, а ставни были плотно прикрыты – светомаскировка…

– Вольно! Здравствуйте, Дитрих. Проходите, – поприветствовал его командир танкового полка полковник Александр фон Нейман. – Вам, герр гауптман, со своим батальоном предстоит держать оборону вот здесь, у основания Ржевского выступа.

Полковник очертил тонко отточенным карандашом дугу на оперативной карте, разложенной на столе.

– Это один из самых сложных участков фронта группы армий «Центр», – продолжил старший офицер. – Если русские предпримут наступление, то попытаются встречными ударами с севера и с юга «срезать под корень» этот выступ. Генерал-фельдмаршал фон Клюге, так же как и фюрер, и думать не хочет о том, чтобы отвести войска. А между тем для нас угроза окружения является вполне реальной.

Недавно была обнародована секретная директива Oberkomando der Heer[5] от 8 декабря 1941 года относительно наших задач на Востоке зимой 1941/42 года. Там планы Вермахта на московском направлении определяются следующим образом: «*Группа армий «Центр» после завершения операций в районе Москвы должна так эшелонировать свои войска, чтобы быть в состоянии отразить удары русских против участка фронта, выдвинутого в направлении Москвы, и против своего левого фланга. Для защиты растянутого фланга группа должна предусмотреть приведение в боевую готовность резервов в районе южнее Осташкова*»[6].

– Но позвольте, герр полковник, русские, так же как и мы, истощили свои резервы и уже не могут наступать… – возразил один из штабных офицеров.

---

[5] Верховное командование Сухопутных сил.

[6] *Хорст Гроссман* «Ржев – краеугольный камень обороны».

– Отставить разговоры, Герман! – резко прервал его фон Нейман. – Неизвестно, что предпримут эти русские, и мы должны быть готовы к любым их действиям! Гауптман Штальльманн, приказываю вам создать на базе подчиненного панцер-батальона боевую группу в составе приданных частей: двух рот мотопехоты, минометного взвода, взвода саперов и зенитного артиллерийского дивизиона. В составе этих сил выдвинуться на заданный рубеж, закрепиться и занять оборону. Отступать вам запрещаю под страхом смерти! Все ясно? Выполнять!

– Яволь, герр полковник!

* * *

Получив пополнение и выйдя на рубеж, гауптман Штальльманн занялся организацией обороны.

Новобранцы из танковой школы, пехотинцы и минометчики долбили промерзшую землю лопатами, ломами и кирками. В системе долговременной обороны Вермахта появлялся новый рубеж. Руководил шанцевыми работами безжалостный обер-фельдфебель Алекс «Аржмайстер» Кнаге.

– Быстрее копайте, саксонские свиньи! Или хотите, чтобы «Иваны» отстрелили вам зад?!

Судя по виду пехотинцев, многим из них хотелось сейчас отстрелить задницу «Аржмайстеру». Но ослушаться свирепого танкиста они просто не смели. Это был классический прусский «унтер», смысл жизни которого составлял один лишь Воинский устав. К нарушителям сего «священного писания» Кнаге был беспощаден. Так что благодаря истинно германскому усердию и железной дисциплине, наводимой драконовскими методами, работа шла успешно. В мерзлой земле «выгрызались» капониры для танков, окопы полного профиля, ходы сообщений, пулеметные гнезда и стрелковые ячейки. Позиции оборудовались нишами для боеприпасов и прочих принадлежностей.

Саперные команды – «Peoniren truppen» – устанавливали мины, тянули мотки колючей проволоки, подводили ток к заграждениям. Между проволочными заграждениями и окопами, в наиболее опасных местах, были устроены проволочные заграждения из спирали Бруно. Она разрезала тело до кости в одно касание. Кроме того, саперы соединили проволочные заграждения с противотанковыми и противопехотными минами, и любое прикосновение к проволоке вызывало взрывы.

Гауптман Дитрих Штальльманн не только командовал своими солдатами на шанцевых работах, но и сам порой брался за лопату. Немецкая поговорка гласит: «*Ohne Schweiß kein Preis*» – «Без пота нет награды». В данном случае наградой солдатам могли бы стать их собственные жизни.

Немецкий офицер, прошедший ад зимнего наступления на советскую столицу и потерявший в кровавых снегах под Москвой множество боевых товарищей, с некоторой долей злорадства наблюдал, как крепнет оборона на этом участке фронта. Ничего, теперь пусть русские наступают – и доблестные солдаты Третьего рейха покажут им, как надо воевать!..

Глава 2
Наступление без подготовки

После того как враг был остановлен у ворот Москвы, людьми овладела радость и эйфория. С октября длилась неравная битва, многие сотни и тысячи солдат Красной Армии и ополченцев сложили головы на подступах к столице. Но все же отстояли Белокаменную! Не дали гитлеровским сапогам топтать древнюю брусчатку Красной площади!

Победа под Москвой имела также и огромное политическое значение. Весь мир узнал о крахе концепции «блицкрига» у стен советской твердыни.

Не смять богатырскую силу,
Могуч наш заслон огневой,
Мы вырыли немцу могилу
В туманных полях под Москвой!

Как в песне пелось, так и получилось. И естественно, что солдаты и командиры восприняли приказ о новом наступлении как нечто само собой разумеющееся. Остановили врага, а теперь добьем его, и – войне конец!

Но наступать сейчас было **нельзя**. Можно было понять Верховного главнокомандующего – на совещании Ставки командующим Калининским фронтом генерал-полковнику Ивану Степановичу Коневу и Западным фронтом – генерал-полковнику Георгию Константиновичу Жукову было приказано подготовить новое наступление. Иосиф Сталин утверждал, что нужно окончательно устранить угрозу столице, исходящую от Ржевско-Вяземского выступа.

Нельзя сказать, что и генералам нелегко далось решение о наступлении. Ждать до весны, имея в ста пятидесяти километрах от Москвы мощную группировку из двадцати семи дивизий Вермахта и СС, было нельзя. Но и наступать в тех условиях, что сложились в войсках, тоже было нельзя.

Личный состав был измотан тяжелыми боями, Калининский фронт и вовсе вел контрнаступление, не получив свежие подкрепления. Были серьезные проблемы с подвозом боеприпасов, горючего и снаряжения. Склады передового снабжения также не были созданы. Однако приказ был категоричен.

Несомненно, немецкую группировку на Ржевско-Вяземском выступе нужно было сковать. Но сделать это можно было уже проверенной в сражении под Москвой тактикой танковых засад и хорошо спланированных контратак. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. Массированное наступление вместо тактики изматывания было самым невыгодным решением в данной ситуации, однако именно так было угодно развиваться истории, которую потом на долгое время предали забвению.

Гвардии старшина Стеценко, как всегда, ворчал, копаясь в стальных внутренностях командирской «тридцатьчетверки». Всякий момент вне боя он использовал, чтобы что-то чинить, подтягивать, закручивать в стальных внутренностях боевой машины. И Т-34 благодарил его исправной службой.

Вокруг танка суетились солдаты ремонтно-эвакуационной роты. Рядом стояла «летучка» ПТРМ – передвижной танкоремонтной мастерской. Степан Никифорович массивным гаечным ключом затягивал крепления, каждый раз чертыхаясь, когда ключ соскальзывал с гайки. Стрелок-радист стоял рядом и подсвечивал электрической лампой на длинном шнуре.

– Ну, все, кажись, сделали заразу, – констатировал механик-водитель, вытирая пот со лба. – Ух! Упарился, хоть и мороз. Сейчас будем двигатель ставить.

Танковый дизель В-2-34 стоял на пустых снарядных ящиках. Техники из ремроты «колдовали» над блоком цилиндров. Морозы стояли суровые, а они работали без рукавиц. Пальцы прикипали к заледеневшему металлу, и их приходилось отрывать с кровью и кожей. Но все же работа спорилась.

– Ну, долго еще? – нетерпеливо спросил командир танковой роты гвардии капитан Горелов.

– Сейчас, товарищ капитан, заканчиваем уже, – ответил молодой лейтенант в круглых очках со стальной оправой.

– Гвардии товарищ капитан…

– Виноват, товарищ гвардии капитан!

Наклонный кормовой бронелист был откинут на петлях, а крыша моторно-трансмиссионного отделения поднята. Над ним поставили пирамидой три бревна, перекинули через блок трос лебедки с крюком.

Потом аккуратно, на руках, перекантовали танковый двигатель на специальные салазки. Благодаря своей революционной конструкции с алюминиевым блоком цилиндров он весил гораздо меньше, чем другие такие агрегаты. Салазки подвезли к танку и застропили дизель.

– Поднимай! – поднял руку техник-лейтенант.

Придерживая двигатель, его подняли и отцентрировали строго над моторным отсеком. Потом медленно и осторожно стали опускать.

– Стоп! – сказал механик-водитель, внимательно наблюдая, как заходит дизель. – Приподними немного.

Двигатель завели точно на крепежные места, и ремонтная бригада занялась установкой и подключением электрокабелей, шлангов и патрубков. В морозном воздухе раздавалось позвякивание гаечных ключей, обрывки разговоров ремонтников, лязг металла.

– Все, можно опробовать, – разрешил техник-лейтенант, внимательно осмотрев вместе с гвардии капитаном установленный дизель.

– Гвардии старшина, заводи! – отдал приказ Николай Горелов.

– Есть, товарищ командир! – Механик-водитель приложил ладонь к утепленному, на овчине, танкошлему и полез в люк. Примерно минуту спустя раздалось фырканье, а потом танк выпустил огромное облако копоти из выхлопных патрубков. «Стальное сердце» командирской «тридцатьчетверки» стучало ровно и мощно. Одно из преимуществ дизельного двигателя как раз и заключалось в неприхотливости и надежности – даже в сорокаградусные морозы он работал вполне нормально.

Но, к сожалению, таких танков в батальоне было мало: всего несколько Т-34 и КВ-1 были оснащены дизелями.

Согласно приказу второго народного комиссара среднего машиностроения СССР Малышева от 22 июня 1941 года перед танкостроителями были поставлены новые задачи: «Прекратить модернизацию танка Т-34, свернуть выпуск всей гражданской продукции, приступить к выполнению мобилизационного плана и быть готовыми оказать помощь заводам, которые будут переключены на выпуск танков Т-34».

И конструкция «тридцатьчетверок» стала меняться в сторону упрощения производства. Начали использоваться различные заменители. В частности, с 29 ноября 1941 года Сталинградский тракторный завод перешел на выпуск стальных литых катков с внутренней амортизацией и гусеницей новой конструкции, так как с августа начались перебои с поставкой резиновых бандажей с Ярославского резино-асбестового комбината.

Более серьезной стала нехватка дизельных двигателей В-2 для «тридцатьчетверок» и тяжелых танков «Клим Ворошилов». Вплоть до весны 1943 года на Сталинградском трактор-

ном устанавливали на танки карбюраторные двигатели М-17Ф, прошедшие по три-четыре капремонта. Вот эти-то четырехтактные 12-цилиндровые V-образные авиационные двигатели и стали самой серьезной проблемой. Капризными они были, норовили «обрезать» зажигание при низких температурах, так что танки приходилось отогревать. Также такие двигатели «жрали» много топлива. Ведь не даром в Автобронетанковом управлении РККА была принята к реализации программа увеличения запаса хода легкого танка БТ-7 путем использования дизельного двигателя. В результате этого был создан модернизированный танк БТ-7М.

Надежность танковых авиадвигателей М-17Ф была весьма низкой, в чем гвардии капитан Горелов убедился еще в грозовом июне 1941 года, когда служил командиром малой пушечной башни на многобашенном тяжелом танке Т-35. Эта машина и вовсе была капризной, не раз на маневрах эти танки ломались.

Но основная опасность заключалась в том, что пары авиационного высокооктанового бензина были летучими, огнеопасными и мгновенно детонировали. Так что удар снарядом в борт «керосиновой» «тридцатьчетверки» почти наверняка приводил к взрыву.

Кроме того, возникала весьма серьезная проблема со снабжением топливом. В этом возникли серьезные разногласия с летчиками. «Летуны» уперлись и ни в какую не хотели отдавать такое нужное и для них топливо. И снабженцы ВВС грозили танкистам всеми карами, земными и небесными, в том числе и расстрелом за вредительство. Ситуация сложилась абсурдная: если забрать авиабензин с аэродромов, то танки, которые им же и заправят, окажутся без авиационного прикрытия. А оно в преддверии наступления и так было весьма слабым.

Сам гвардии капитан Горелов с ног сбился и почти что голос потерял, пытаясь «выбить» снабжение для своих танкистов. Если бы не хозяйственный гвардии старшина Стеценко, то вообще бы выбить сверх того скудного довольствия не получилось бы. А так – хоть что-то…

В общем, в войсках сейчас царил такой же кавардак, как и тогда, в июне. Суета, непонимание конкретных задач, да еще и в сорокаградусные морозы, метели и снегопады! И тем не менее приготовления все же шли. Подвозились боеприпасы, горюче-смазочные материалы, запчасти для техники. Причем доставлялось все это не только на розвальнях или «полуторках», но и на аэросанях.

Вообще, эти аппараты в Битве под Москвой использовались весьма активно. Боевые аэросани на самом деле не такая уж и новая техника – впервые они появились еще в 1915 году на фронтах Первой мировой войны. Потом уцелевшие образцы этой техники использовались в Гражданской войне. Широко использовались аэроснегоходы и в войне с белофиннами. Кстати, Степан Никифорович Стеценко, воевавший в 1939–1940 годах на Карельском перешейке, вспоминал совместные атаки легких «бэтэшек» и боевых аэросаней.

В условиях бездорожья, в глубоких снегах боевые и транспортные подразделения, оснащенные соответствующими типами аэросаней, получили из главных козырей войны – мобильность и скорость передвижения. Предполагалось, что и в предстоящем наступлении, чтобы поддерживать его высокий темп, аэросани отрядов снабжения последуют за танками, непрерывно пополняя их боезапас и заправляя чуть ли не на ходу.

Наконец, все организационно-штатные вопросы были утрясены, части укомплектованы всеми видами материального довольствия и боеприпасами. И накануне вечером, 7 января, был получен приказ по Калининскому фронту завтра перейти в наступление.

Гвардии старшина Стеценко растянулся на дощатых нарах в жарко натопленной землянке. После ремонта двигателя на морозе он успел принять «фронтовые» сто граммов спирта. Целительная жидкость согрела и душу. А потом еще и кружка чая с двумя кусками сахара из пайка и ломоть ржаного хлеба, оставшегося от ужина.

Было тихо, только изредка в отдалении грохотала пулеметная очередь или минометный разрыв. Шипели, взлетая над позициями, осветительные ракеты. Но бывалого солдата этим

было не обмануть. Это было затишье перед бурей. Опершись на локоть, гвардии старшина огляделся. Коптилка из артиллерийской гильзы слабо освещала землянку. Гвардии капитан Горелов уже давно спал, спали и другие танкисты. Стеценко затушил коптилку, но долго потом лежал, глядя в бревенчатый потолок землянки.

Что будет завтра – кто знает?..

Свинцово-серый утренний полумрак 8 января 1941 года разорвали вспышки орудий. Началась артподготовка, предшествующая главному удару. Уже привычно загудела земля, засвистели в воздухе проносящиеся над головами танкистов и пехоты тяжелые снаряды. Грохнуло где-то на опушке леса – там, где находилась передовая линия траншей немецкой обороны. Но вскоре грохот стих, артподготовка оказалась недолгой.

И вот в серое небо взлетела ослепительная зеленая звезда – сигнал к общему наступлению. И тут же взревели двигатели танков, а за ними поднялась из сугробов пехота. Вперед! На врага! Отбрасывая во все стороны комья снега, танки пошли в атаку.

– Вперед! Вперед! – дважды гаркнул командир танковой роты Николай Горелов.

Механик-водитель поддал газу и переключил скорости. Дизель, до того урчащий на малых оборотах, взревел лютым зверем. Стальной хищник рванулся вперед, ведя за собой всю стаю.

Гвардии капитан осматривал немецкие позиции в танковую панораму. У него было от силы несколько минут, пока танки выйдут на дистанцию стрельбы своих 76-миллиметровых пушек. Ага… На левом фланге, сразу за линией передовых окопов, у гитлеровцев – противотанковая батарея. Чересчур удобны эти холмы, возвышающиеся над позициями. И хоть они и были уже основательно разворочены снарядами советской артиллерии, присмотреться к ним надо… Так, а справа лесок, на его опушке тоже может затаиться что-то смертоносное…

Слева и справа от головной машины наступали танки роты. Два тяжелых «Клима Ворошилова» и три «тридцатьчетверки» были оснащены как раз теми самыми «авиационно-танковыми» двигателями М-17Ф. Кроме командирской «тридцатьчетверки», в подразделении был всего один танк с дизелем – «Клим Ворошилов-1». Он наступал на правом фланге, перемалывая снег широкими гусеницами. Кроме этих машин, все остальные танки были легкими – «сборная солянка» из БТ-7М, Т-50, Т-60…

Горелов развернул танковую панораму ТП-7, снова обводя взглядом заснеженные окрестности. И почти сразу же засек вспышки орудийных залпов. Гитлеровцы начали стрелять из своих дальнобойных орудий «acht-acht» – «восемь-восемь». Эти 88-миллиметровые пушки ПВО использовались для обороны противотанковой. И с весьма плачевными последствиями для советских бронированных машин. Первым же залпом была подбита «тридцатьчетверка», наступавшая рядом с командирским танком.

Эта машина была оборудована 12-цилиндровым V-образным карбюраторным мотором М-17Ф, работающим на высокооктановом летучем авиабензине. Исход был предрешен… Первый снаряд разбил гусеницу, развернув «тридцатьчетверку» бортом. А второй остроносый посланец смерти прошил даже наклонный бронелист, защищающий борт среднего танка. Машина полыхнула, как спичка. Ревущее пламя выплеснулось из всех люков – экипаж из четырех человек был испепелен буквально за доли секунды. А потом сдетонировали снаряды боеукладки, сорвав башню и разворотив стальные «внутренности» Т-34…

И почти сразу же на атакующие советские танки обрушился настоящий шквал огня! У гитлеровцев был пристрелян буквально каждый куст, каждое дерево, каждый холм или овраг. Секторы обстрела перекрывали друг друга, создавая практически сплошную зону поражения.

Тяжелым боевым машинам нелегко приходилось в глубоком снегу. Две «бэтэшки» застряли в заносах, и их тут же накрыла немецкая противотанковая батарея. На этот раз даже и не «acht-acht», хватило средних противотанковых пушек Pak-40 калибром в полсотни мил-

лиметров. У еще одного танка в самый неподходящий момент «обрезал» капризный карбюраторный двигатель М-17Ф. Под всеуничтожающим огнем немецкой артиллерии «тридцатьчетверка» превратилась в огромный факел…

Маневрировать в глубоком снегу танки не имели никакой возможности.

– Огонь! Всем танкам открыть огонь! – приказал гвардии капитан. Николай развернул башню и ударил из пушки по тому самому пригорку на левом фланге.

Оглушительно грохнула 76-миллиметровая пушка, затвор выплюнул дымящуюся гильзу.

– Снаряд!

– Есть снаряд! – заряжающий уже вбросил очередной «подарок фрицам» и закрыл затвор.

– Огонь!

На гребне сверкнула вспышка и взвился фонтан снега и мерзлой земли. По этой же цели сосредоточили стрельбу и остальные уцелевшие танки. Холм заволокло снежной пылью, в которой время от времени сверкали огненные сполохи.

Можно было представить, что там сейчас творится… Взрывы разнесли позиции противотанковых пушек Pak-40. Разметали искореженные бронещиты, погнутые стволы и лафеты, горящие колеса. Один из осколочно-фугасных снарядов «тридцатьчетверки» ударил в штабель ящиков с боеприпасами. Огненный смерч взвился над позициями немецких противотанкистов, разя всех смертоносными плетьми стальных осколков и ударной волны.

Командирская «тридцатьчетверка» медленно, но уверенно приближалась к немецким окопам. Широкие гусеницы и мощный надежный двигатель помогали преодолевать снежные наносы.

Вокруг вздымались снежные фонтаны и комья мерзлой земли. В танковый прицел, совмещающий в себе функции обзорной панорамы, ничего нельзя было увидеть. Тем более не разглядеть, что творится снаружи через триплекс механика-водителя. Боевые машины шли практически вслепую, сохраняя только общее направление атаки. Николай Горелов выпускал снаряд за снарядом, даже не видя, куда стреляет. Знал только одно – в немцев!

Грохот внутри танка стоял несусветный. Натужно ревел двигатель, оглушительно ухала пушка. Внезапно по броне словно громадной кувалдой ударило. Горелова швырнуло прямо на пушку, а потом он свалился на пол боевого отделения. И это спасло ему жизнь.

Вскарабкавшись обратно к орудию, он увидел бесчувственное тело заряжающего. Из уголка рта текла струйка крови, а широко раскрытые глаза уже ничего не видели. Крупповский бронебойный снаряд попал в борт башни и пробил его. Каким-то чудом не сдетонировала боеукладка. Но на этом чудеса закончились. И очередная бронебойная «болванка» ударила в корпус.

– Командир, гусеницу сбило! Мы горим! – прокричал по танковому переговорному устройству механик-водитель гвардии старшина Стеценко.

– Покинуть машину! Степан Никифорович, уходите вместе со стрелком-радистом!

Двигатель командирской «тридцатьчетверки», В-2-34, работал на дизтопливе, и это давало несколько лишних секунд для спасения экипажа. Дизельное топливо было более стабильным, нежели бензин, и по сравнению с ним воспламенялось труднее. Однако если солярка разгорится, то потушить ее практически невозможно. Так что мешкать было нельзя.

Горелов, уже чувствуя языки пламени на спине, снова упал на металлический рифленый пол боевого отделения, открыл десантный люк и выскользнул наружу. Ужом прополз между гусениц и кубарем скатился в свежую воронку от снаряда, сжимая в руках ППШ, который успел прихватить с собой.

Механик-водитель распахнул свой люк. Одной из многих особенностей конструкции «тридцатьчетверки», за которую этот танк любили в войсках, было то, что даже подбитый танк спасал свой экипаж. Десантный люк в днище, через который выбрался командир, был прикрыт от вражеского огня с боков массивными катками. А люк механика-водителя на наклон-

ной бронеплите Т-34 позволял выбраться вообще без усилий. Для этого нужно было только лишь встать в полный рост – и ты уже по пояс высовываешься из отделения управления боевой машины.

Степан Никифорович Стеценко так и сделал. Да еще и помог стрелку-радисту покинуть горящий танк.

Втроем танкисты рванулись прочь от гибнущей машины, и едва они упали на дно очередной воронки, как за спиной оглушительно громыхнуло, а по спинам прошла волна жара. Это взорвался боекомплект оставленной «тридцатьчетверки»…

– Ну что, славяне, все живы?

– Так точно, товарищ командир. А что с Лешкой-заряжающим?

– Помер Лешка… Если бы меня на пол боевого отделения не сбросило от удара, и я тоже бы отдал богу душу… Выбираться надо, дождемся нашу пехоту – вместе воевать веселее. А назад нам пути нет – команды отходить не было. Рыпнемся – расстреляют, как паникеров и трусов.

Дождались. В воронку скатились двое красноармейцев в белых маскировочных халатах. За собой они волокли станковый пулемет «максим» на салазках.

Второй номер заправил матерчатую ленту из массивного патронного ящика. Пулеметчик приник к оружию, передернув затвор, и установил прицельную планку. Потом взялся за рукоятки и надавил на гашетку. «Максим» отозвался дробной, злой очередью. Бешено замолотил затвор, посыпались на снег горячие дымящиеся гильзы.

– Вот вам, сволочи! Получите, гады! – Пулеметчики так были заняты стрельбой, что заметили трех танкистов только в очередном перерыве между очередями, когда заправляли свежую ленту.

– Эй! А вы кто такие?!

– Дед Пихто… Танкисты – вон наша «тридцатьчетверка» догорает…

– А… «гремя огнем, сверкая блеском стали»!..

– А ты не шибко-то скалься, «царица полей»! – вдруг разозлился Горелов. – Что дальше-то делать?

– Воевать! – Пулеметчик снова взялся за рукоятки управления огнем.

Так и начали воевать вместе. Ползком, от воронки к воронке, прячась за трупами красноармейцев, они продвигались вперед в огненно-снежной круговерти. Танкисты прикрывали огнем пулеметный расчет, а пулеметчики – танкистов. Николай Горелов стрелял из ППШ, гвардии старшина Стеценко вырвал из закоченевших пальцев мертвого красноармейца «трехлинейку» Мосина. То же самое сделал и стрелок-радист.

До передовых немецких окопов оставалось не так уж и много, но пройти этот путь было почти невозможно.

Противотанковая артиллерия гитлеровцев выбила все боевые машины атакующих советских войск, а теперь в дело включились пулеметы. Огненные плети раскаленного свинца стегали по белому покрывалу снега, пятная его красным… От плотного огня почти невозможно было укрыться, и молодецкое «Ур-ра!» очень быстро захлебнулось кровью.

А тут еще ударили минометы. Нет для пехоты страшнее завывания мин – этого пронзительного голоса смерти! И нет от них спасения. Фонтаны снега и земли расшвыривали тела красноармейцев – каленые, иззубренные осколки секли их нещадно. Оторванные конечности, головы летали в воздухе, пропахшем порохом и кровью…

Если это не ад, то что?

При плохо спланированном, поспешном наступлении Калининского, а затем и Западного фронтов советские солдаты столкнулись с теми же самыми трудностями, что и немцы, когда совсем недавно наступали на Москву.

Первым пунктом шел «Генерал Мороз» – солдаты Вермахта были не готовы к таким климатическим условиям. Обморожения, «белая смерть» в снегах преследовали их уже с середины ноября. Но ведь и красноармейцам приходилось наступать сейчас в тех же самых условиях! По колено, а то и по пояс в снегу, когда морозный воздух наждаком разрывает легкие!..

А ведь в атаку шли измотанные солдаты, которые меньше недели назад уже участвовали в массированном контрнаступлении… Времени поспать и поесть у них не было. Да и с горячей пищей были перебои. Все-таки уроки «зимней войны» с Финляндией в 1939–1940 годах были учтены далеко не полностью.

Но не только со снабжением были серьезные проблемы, но и с тактикой и командованием войсками.

Впереди наших войск поднялись лишь отдельные, весьма «жидкие» разрывы снарядов тяжелой артиллерии. Тяжелые гаубицы били редко и вразнобой. Артиллерийская поддержка была слишком слабой – ведь боеприпасов к тяжелым орудиям калибра 122, 153 и 302 миллиметра не подвезли в должном количестве. Передовых полевых складов тоже организовано не было. Так что о массированных огневых налетах не могло быть и речи.

А в воздухе господствовали стервятники Геринга. Пикировщики со страшным воем обрушивались на наши танки и позиции сосредоточения пехоты. Они клали бомбы с дьявольской точностью, расстреливали людей и автомашины из пулеметов с бреющего полета. «Юнкерсы-88» и «Хейнкели-111» под прикрытием «Мессершмиттов» бомбили пути подвоза боеприпасов, автомобильные и железнодорожные пути.

Наши летчики были очень сильно измотаны в оборонительных боях за Москву. Многие погибли или были ранены. Да и исправных самолетов оставалось совсем немного. По этой причине и полноценную авиаподдержку обеспечить было невозможно…

Зенитного прикрытия тоже, почитай, что и не было. Практически вся противовоздушная оборона была сосредоточена тремя кольцами вокруг Москвы. А вот для прикрытия Калининского и Западного фронтов сил не хватало. В основном зенитные средства были представлены счетверенными пулеметами «максим» с зенитными прицелами. «Максимы» были установлены на грузовики, правда, эффективность такого оружия была весьма низкой. Лучше выглядели крупнокалиберные зенитные пулеметы ДШК, но их было крайне мало. Зенитных пушек вообще почти что не было.

Танков тоже было удручающе мало, да и, кроме того, наступали они на хорошо подготовленные оборонительные позиции, насыщенные противотанковыми орудиями гитлеровцев, их же танками и самоходными орудиями. Подступы были прикрыты мощными минными полями, противотанковыми рвами и надолбами.

Однако советские пехотинцы, неся огромные потери, все же дошли до первой линии вражеских окопов, прикрытых минами и колючей проволокой. Там же, на «колючке», они и остались, растерзанные раскаленным свинцом гитлеровских пулеметов…

Вслед за первой волной атакующих пошла и вторая, а потом и третья… Снова и снова – прямо на немецкие пулеметы. Красноармейцы бежали вперед среди разрывов минометных мин и тяжелых снарядов 15-сантиметровых гаубиц KwK-18. В результате, завалив противника горами трупов, войска 29-й армии Калининского фронта прорвали передовые позиции Вермахта и на несколько километров углубились на территорию, занятую противником. Таким образом был вбит «клин» в «основание» Ржевско-Вяземского выступа с севера. Но это стало началом конца…

Что было во время той атаки, Николай Горелов помнил плохо. Он просто бежал и стрелял из своего ППШ. Рядом чертыхался и стрелял гвардии старшина Стеценко. У Горелова очень быстро закончился 70-патронный барабан к пистолету-пулемету Шпагина, что и немудрено при темпе стрельбы оружия в 1000 выстрелов в минуту. Однако недостатка в патронах не было:

повсюду лежали трупы красноармейцев, закостенелые пальцы многих из них сжимали оружие, а в подсумках были запасные обоймы и магазины.

Вместе со всеми танкисты ворвались в первую линию гитлеровских траншей. Горелов дал длинную очередь вдоль, выкосив сразу нескольких солдат в ненавистных серых мышиных шинелях. Накоротке ППШ был особенно смертоносным оружием: раскаленный свинец буквально выметал гитлеровскую нечисть из окопов, стрелковых ячеек и ходов сообщений.

Гвардии старшина Стеценко перекинул винтовку через плечо и подхватил другой, не менее эффективный трофей: возле одного из тел в мышиного цвета шинели валялся пистолет «маузер» с двадцатизарядной сменной обоймой и примкнутой деревянной кобурой-прикладом. Немецкий пистолет был не менее эффективен в тесных траншеях, чем прославленный советский пистолет-пулемет.

На одном из поворотов вражеских траншей бегущий рядом стрелок-радист коротко вскрикнул и схватился за грудь. Николай и Степан Никифорович мигом, в два ствола, изрешетили немецкого солдата, но вот русскому танкисту было уже не помочь…

Сильно поредевшие стрелковые цепи после короткой, но ожесточенной рукопашной схватки овладели передовыми линиями укреплений гитлеровцев.

Однако, несмотря на чувствительные потери, немецкие части не растерялись, а слаженно и дисциплинированно отошли на такие же хорошо оборудованные запасные позиции.

Ну, а советская пехота, разгоряченная боем, рванулась было вдогон. Однако немецкие минометы и гаубицы поставили смертоносную завесу заградительного огня. Пробиться через сплошные фонтаны разрывов и стальной ураган разящих осколков было просто невозможно. Кроме того, гитлеровские пехотинцы именно отходили, планомерно и хладнокровно. Без паники. Пулеметчики, где из окопов, из воронок, а где и просто с колена, расчетливо били короткими очередями. Нередко вместо сошек они использовали плечо своего второго номера пулеметного расчета. Конечно же, для слуха пользы мало, но когда альтернатива – смерть, выбирать особо не приходится.

Атака советских войск снова захлебнулась кровью. Большой кровью…

Глава 3
Feuer und Tod![7]

Гауптман Штальманн в последнее время пребывал в мрачном и тревожном расположении духа.

– Eine Unruche läßt mich nicht los. – Беспокойство не покидает меня, – сказал он однажды командиру противотанковой самоходной батареи обештурмфюреру моторизованного корпуса СС Отто Вайсу. Пять его приземистых самоходок «Sturmgeschutze-III» были включены в тактическую «кампфгруппу» Штальманна.

– Яволь, – также мрачно согласился эсэсманн. Обычное высокомерие представителей СС по отношению к солдатам Вермахта сейчас отступило перед лицом неминуемой опасности. – Хорошо еще, что в полосе нашей обороны пока все спокойно…

– Пока – да. Но надолго ли?..

– Jeder Tag hat seine Plag. – Каждый день имеет свои бедствия, – согласился обештурмфюрер Вайс.

Каждый день и вправду приносил дурные вести. Контрнаступление русских потрясло сражающиеся севернее и западнее Ржева войска 256-й дивизии Вермахта. Из-за прорыва создалась брешь шириной около пятнадцати километров. Через нее русские могли беспрепятственно продвинуться на юг и отрезать 23-й пехотный корпус от остальной армейской группировки. Ликвидировать брешь, казалось бы, можно было даже при незначительной поддержке с воздуха. Однако даже введение в бой 8-го авиакорпуса Люфтваффе не задержало продвижение русских. Вскоре передовые подразделения русской пехоты находились в восьми километрах западнее и юго-западнее Ржева – важнейшего пункта снабжения 9-й армии Вермахта.

И это при том, что в самом Ржеве оставались только обозы и части тылового обеспечения. В районе прорыва объявлена тревога, тыловики приготовились к срочному отступлению. Drang nach… На грузовики и сани в спешке грузили армейское имущество. Каждый стремился убежать так быстро, как это было бы возможно. Однако голодные и загнанные лошади едва-едва пробирались по глубокому снегу.

Энергичные командиры, такие, как начальник тыла, бывший кавалерист майор Дисселькамп, собрали последние силы из водителей, санитаров и ветеринаров и создали слабую линию обороны. Плохо вооруженные солдаты храбро сражались, сдерживая удары русских.

Все это гауптман узнавал на торопливых штабных совещаниях. Положение было патовым: 9-я армия генерал-полковника Моделя исчерпала все резервы и возможности наступления. Немцы судорожно зарывались в мерзлую землю, чтобы не лечь в нее навсегда…

Дитрих Штальманн тоже судорожно вкапывался в мерзлую землю, проклиная все на свете. Как не похоже это было на первые летние месяцы прошлого года – победоносное наступление, жаркие бои! Хотя и тогда русские заставили себя уважать. С самого начала они стояли насмерть. Теперь вот и немцам пришлось стать насмерть…

А русские все давили и давили массой, шли, утопая по колено, а то и по пояс в снегу. Выматывали постоянными атаками немцев. Злая ирония заключалась в том, что с обеих сторон воевали **истощенные** армии.

И все же немецкая пехота держалась. Для них сам факт отчаянных контратак русских был непостижим! Они ведь привыкли, что сражения – это будоражащая кровь прелюдия перед несомненной победой. А вот русские заставляли эту победу вырывать с мясом и кровью. 4 января их атака правее 3-й танковой армии, состоявшей из 5-го корпуса, северо-восточнее

[7] Огонь и смерть! (*нем.*)

Гжатска была отбита, а наступление левее 23-го корпуса против 206-й и 102-й дивизий также удалось локализовать. И все это сопровождалось горами трупов и с той и с другой стороны.

Однако русская армия тем же вечером, переправившись через скованную льдом Волгу, прорвала слабую линию обороны 256-й пехотной дивизии Вермахта. Русские прошли лесом юго-западнее Ржева и вышли к городу. Они, видимо, хотели рассечь центральный фронт обороняющихся сил Вермахта и захватить Ржев.

Вследствие этого 9-я армия Вальтера Моделя и присоединившиеся к ней с юга 3-я и 4-я танковые армии были заблокированы русскими и вынуждены сражаться в четырехугольнике железной дороги Смоленск – Вязьма – Ржев – Оленино. Каждый день гауптман Шталльманн, как и остальные офицеры, с тревогой всматривался в синие и красные стрелы прорывов, атак и контратак, прерывистые линии оборонительных рубежей на штабных картах. Положение в обороне было катастрофическим, но благодаря заранее отстроенным рубежам полевой фортификации, стойкости немецких войск и природным условиям армейская группировка генерал-полковника Моделя продолжала оказывать ожесточенное сопротивление изможденным и обмороженным частям Красной Армии.

Гауптман Дитрих Шталльманн глазам своим не верил! Русские сплошным потоком шли по полю прямо под пулеметы и пушки подчиненных ему подразделений! Разум офицера бронетанковых механизированных войск Вермахта отказывался это понять.

Вначале Шталльманна весьма серьезно обеспокоили поставленные перед его сводным подразделением задачи. Оборонять этот отрезок фронта наличными силами было довольно сложно – сил было явно недостаточно. Поэтому он и проявил такое повышенное внимание к инженерному обеспечению позиций. Мины и колючая проволока должны были задержать продвижение русских, а капониры и глубокие окопы позволяли существенно увеличить шансы выжить под огнем русских.

Сам Дитрих тоже брал время от времени в руки заступ. Пример командира хорошо действовал на подчиненных, да и согреться лишний раз не мешало…

Сегодня, 8 января 1942 года, мороз еще более усилился. Немецкие солдаты замерзали. Мерз и Дитрих Шталльманн. Замерзала оружейная смазка в винтовках и пулеметах, в орудиях. Дошло до того, что немцы свое оружие после боя чистили, но не смазывали. Такое варварство по отношению к немецкому оружию тоже даром не проходило. Даже сверхнадежные карабины маузера ломались и заклинивали.

Русским же, казалось, такие холода были нипочем. Их численно превосходящие войска были экипированы в зимнюю форму, хоть и плохонькую, но все же более теплую, чем шинели солдат Вермахта «на рыбьем меху».

Среди наступающих русских войск были и лыжные, хорошо обученные батальоны. Опыт зимней Финской войны 1939–1940 годов все же был учтен. Лыжники были неплохо вооружены, экипированы и подготовлены. Но русское командование бросило части особого назначения прямо на немецкие пулеметы, вместо того чтобы маневрировать силами.

Но особая сила наступавших была в танках. «Тридцатьчетверки» легко преодолевали глубокие снежные заносы, сугробы. Но отрывались от прикрывающей их пехоты и тут же становились добычей немецких die jagdpanzer – истребителей танков.

Ошибки командования Красной Армии и слабый наступательный порыв русских, не приводящий к закреплению успеха, давали немецким частям определенный шанс. 8 января последовало ожидаемое наступление русских силами 3-й ударной армии из десяти дивизий и 4-й ударной с восемью дивизиями. Эти силы атаковали из района Осташкова в стык между группами армий «Центр» и «Север». Атаку отражала 253-я дивизия Вермахта, которая находилась на левом фланге 23-го корпуса, который снабжался только по воздуху. Две прорвавшиеся русские дивизии отбросили на юг и уничтожили слабые гитлеровские гарнизоны опорных

пунктов, состоящие только из двух батальонов. Русские атаковали также фланг 6-го корпуса, но, несмотря на явное превосходство и интенсивную огневую подготовку, их атака была отражена. Положение слабого V корпуса оставалось крайне напряженным, и группа армий просила отвести фронт на подготовленную «кенигсбергскую позицию», пытаясь тем самым сохранить резервы. Гитлер отклонил это предложение, как и все более ранние.

Силы обороняющихся дивизий Вермахта были истощены. На 10 января 1942 года в 206-й дивизии 23-го корпуса насчитывалось только 2283 пехотинца, в 102-й – 2414 и в 253-й – 2380 человек. Это была бойня на истощение. Ни русские, ни немцы сил не жалели: Вермахт перебрасывал свежие части, откуда только можно, даже из Франции. А генералы Конев и Жуков не жалели ни своих, ни чужих – гнали буквально на убой, под дула пулеметов панцергренадеров.

Гауптман готовился к худшему. Но начавшаяся с утра артподготовка даже разочаровала Дитриха Шталльманна. Закаленный семью месяцами войны с русскими, офицер Панцерваффе вполне уяснил смысл поговорки: «Русские медленно запрягают, но быстро ездят». Но на этот раз не было ничего подобного тому, что устроили канониры азиата-Сталина всего несколько недель назад! Тогда земля содрогалась от взрывов, а небеса пылали от огненных хвостов «сталинских орга́нов»[8]. А сейчас артподготовка оборвалась, так и не дойдя до своего апогея. Совершенно внезапно грохот и взрывы прекратились и наступила оглушающая ватная тишина. Дитрих Шталльманн отряхнул снежную пыль с форменной фуражки с розовым кантом Панцерваффе.

На снежном поле перед окопами и позади них зияли серо-черные проплешины артиллерийских воронок. Несколько стрелковых ячеек было разворочено прямыми попаданиями, однако этот ущерб никак не соответствовал целям артналета. В целом этот рубеж остался не раскрытым русскими разведчиками. Недаром Шталльманн сам инспектировал рытье окопов и маскировку стрелковых позиций.

Офицер Панцерваффе снова приложил к глазам цейссовский бинокль и обвел взглядом поле. На горизонте от небольшого леса шли цепи русских пехотинцев и танки. В морозном, звенящем воздухе послышалось гуденье танковых двигателей.

Гауптман Шталльманн отложил бинокль в сторону и схватил радиогарнитуру полевой рации.

Сейчас он был вынужден покинуть свой командирский танк Pz.Kpfw IV Ausf F1 B.W. С передвижного командного пункта батальона на броневике Sd.Kfz-231 было удобнее координировать действия всех подчиненных подразделений. На броневике были установлены мощные радиостанции с длинными антеннами и радиомачтами. Тут же были и телетайпы, передающие приказы вышестоящего штаба.

– Zum Teufel! – К черту! – Он снова поднес к глазам бинокль.

По заснеженному полю ползли русские танки, а за ними, проваливаясь по колено, а то и по пояс в снегу, шла пехота. Verdammt! – Проклятье! Совсем недавно, в декабре 1941 года, вот так же и солдаты Вермахта шли в атаку на русские позиции… Ничего, теперь ситуация изменилась на сто восемьдесят градусов.

– Alles bereit! – Всем приготовиться! – передал приказ в микрофон рации.

Шталльманн огляделся: вокруг замерли на замаскированных позициях его солдаты. Ближе всего находились угловатые стальные коробки «панцеров» в пятнистом грязно-белом камуфляже. Дальше располагались противотанковые батареи 50-ммиллиметровых пушек PaK-38 с длиной ствола сорок два калибра и приземистые самоходки «Sturmgeschutze-III» обе-

[8] «Сталинским орга́ном» немецкие солдаты и офицеры на Восточном фронте называли реактивную установку залпового огня БМ-13 «катюша» за характерный воющий звук ее снарядов.

штурмфюрера СС Отто Вайса. Им предстояло первыми ударить по атакующим русским танкам.

– Achtung! – Внимание! Panzerabtelung – Feuer! – Противотанковые средства – огонь! – скомандовал Дитрих.

– Abgefeuert! – Выстрел произведен!

И тут же вдоль едва заметных снежных холмиков пробежала цепочка вспышек дульного пламени. Это открыла огонь с замаскированных позиций приданная противотанковая артиллерия. На поле взвились фонтаны снега и дыма. Несколько русских танков было подбито сразу же. Но и они открыли ответный огонь. Под сосредоточенным огнем Pz.Kpfw.747 Т-34 (r.)[9] погибли сразу две батареи 50-миллиметровых пушек. Две из пяти противотанковых самоходок StuG-III оберштурмфюрера Вайса было уничтожено.

Но и русские танки понесли жестокие потери: более половины из них было выбито противотанковым огнем. Однако русская пехота не залегла и не отступила – она продолжала упорно идти вперед, к немецким траншеям.

Дитрих Шталльманн связался по рации с минометчиками. Расчеты тяжелой пехоты были готовы открыть огонь.

– Werfer – Feuer! – Минометы – огонь! – отдал приказ командир тактической «кампфгруппы».

Из-за обратных скатов холма раздались глухие хлопки. Мины с характерным визгом уносились навстречу русским. Расчеты тяжелой пехоты суетились у наклонных труб, изрыгающих стальную смерть по навесной траектории.

Новые фонтаны разрывов покрыли густой пеленой все поле перед немецкими окопами. Минометный огонь был страшен: он разрывал тела увязших в глубоком снегу русских солдат на куски, осколки беспощадно секли живую плоть. Но те из них, кто пока еще выжил, продолжали наступление! Любой другой противник повернул бы к своим позициям и оставил бы смертоносное поле боя – но не русские! Это действительно был какой-то необъяснимый фанатизм!

Дитрих Шталльманн снова схватил бинокль, увиденное потрясло его.

– Och mein Gott! – произнес гауптман, рассматривая поле боя в мощную цейссовскую оптику.

Перед немецкими позициями уже горело несколько русских танков. Их пехота тем не менее продолжала фанатично идти на приступ. Пробирались по глубокому снегу, по дымящимся трупам своих товарищей, изредка вскидывали винтовки и стреляли, почти не целясь. Из последних сил русские рвались к окопам тактической «кампфгруппы» гауптмана Шталльманна.

И тут в полный голос «заговорили» пулеметы. Боевые порядки пехотных частей Вермахта группировались вокруг «Maschinengewehr». Пулеметчика прикрывали солдаты с карабинами Маузера Kar.98(k), а с некоторых пор и автоматчики – в ближнем бою. В наступлении пулемет буквально прорубал раскаленным свинцом дорогу войскам, а в обороне становился «косой смерти» для неприятельской живой силы и легкобронированной техники.

Машина смерти под названием MG-34 выдавала более полутысячи пуль в минуту, пулеметный расчет едва успевал заменять израсходованные патронные ленты. Нередко солдаты Вермахта сходили с ума, видя, сколько людей они буквально покрошили перед своими позициями!

Вот и сейчас немецкие пулеметы, установленные на треножных станках, били исключительно точно и мощно. Бледно-огненные нити трассеров тускло светились в утреннем сумраке. Расчеты у пулеметов суетились, словно черти у адских печей, – меняли ленты и снова начи-

[9] Немецкое обозначение советского среднего танка Т-34.

нали свою смертоносную рапсодию. Сыпались непрерывным потоком горячей меди стреляные гильзы. Гитлеровские пулеметчики устроили здесь настоящий Верден!

Вместе с ними били надежные винтовки «Маузер-98К» пехотинцев, заливались трескотней немногочисленные пистолеты-пулеметы. МР-40 были только у командиров взводов и рот.

Надо сказать, что пулеметные расчеты Вермахта и СС были вооружены не только штатными MG-34, на вооружении немецких стрелков были и реквизированные трофейные образцы: французские «Мадсен», «Брен», «Чешска Зброевка», советские ДП-27 – «Дегтярев-пехотные» и даже пулеметы «максим».

И сейчас вся эта смертоносная машинерия плевалась огнем и свинцом, из затворов, плавя снег, летели сплошным медным потоком дымящиеся стреляные гильзы. Плотность огня была просто чудовищной.

Feuer und Tod! – Огонь и смерть! – царили сейчас на этом поле. Просто кошмар… Но это была его работа, черт дери! Zum Teufel! И он здесь – по приказу!!!

«Так, Дитрих, остынь», – сказал сам себе гауптман. Да, война на Восточном фронте далека от понятий о рыцарстве и чести. Более того, он недаром вспомнил Верден: ведь и четверть века назад, в 1916-м, когда графы и бароны «голубых кровей» сходились на поле боя во главе «окопной черни», тоже было не до соблюдений табели о рангах, титулов и званий. Ведь химические атаки горчичным газом у Ипра уж никак не назовешь благородным способом ведения боевых действий. Война – убийство по приказу, превращенное в конвейер, всегда отвратительно.

Но тут уж или ты – или тебя! Вот и вся философия…

– Achtung! Feuer! Halten die Linie! – Внимание! Огонь! Держать линию обороны!

Теперь уже по пехоте ударили замаскированные «панцеры» Дитриха Шталльманна. Короткоствольные 75-миллиметровые пушки и спаренные башенные пулеметы били по подошедшей уже вплотную к позициям русской пехоте. Это было страшно.

Во все стороны полетели ошметки тел, пули полосовали людей, а красноармейцы все напирали и напирали… Уже и раскалились докрасна стволы пулеметов от непрерывной стрельбы – несмотря на сорокаградусный мороз! Огонь и смерть уже не вызывали никаких чувств, только какое-то обреченное исступление. Стрелять… Стрелять… Стрелять…

Поле перед позициями «кампфгруппы» Шталльманна было сплошь усеяно телами красноармейцев. В некоторых местах мертвые лежали в два слоя – друг на друге! Над трупами в изодранных пулями полушубках и шинелях поднимался туман, пар – это остывала на морозе кровь русских. Снег из белого стал розовым. Черная земля в воронках от артиллерийских выстрелов превращалась в грязь, но не вода ее напитывала, а русская кровь!..

Тем не менее остаткам русской пехоты удалось прорваться к передовой линии траншей. Завязалась ужасная в своей жестокости рукопашная схватка.

– Achtung! Achtung! Не могу удержать позиции!!! – раздался в трубке полевого телефона захлебывающийся голос обер-лейтенанта Кольманна, командира пехотной роты.

– Отставить! Держать позиции! – рыкнул в трубку полевого телефона Шталльманн.

В трубке раздался какой-то невнятный хрип и звук удара.

– Кольманн! Кольманн! Verdammt! – Проклятье!

Гауптман бросил трубку полевого телефона и поднес к глазам бинокль. Над передовыми траншеями низко стлался дым, разглядеть что-либо за его завесой в мешанине тел было практически невозможно. Но вот он увидел, как фигурки в серых шинелях выскакивают из траншей и бегут в направлении второй линии обороны. Не выстояли…

Это было невероятно, но хваленая прусская стойкость уступила яростному напору русских, которые гибли здесь сотнями, но продолжали атаковать!

Ну что ж… Выбор был невелик.

Гауптман Шталльманн снова взял в руки полевой телефон:

– Минометная батарея, прием! Наводка по ориентирам «два», «пять» и «одиннадцать». Беглым, огонь!

– Яволь! – Голос связиста перекрыли отрывистые звуки команд минометного расчета.

А вскоре из-за обратного ската небольшой высотки послышались гулкие, отрывистые хлопки. В воздухе раздался протяжный вой и свист, а через секунду – грохнуло! Высокие фонтаны разрывов ложились плотно – как раз за передовой линией окопов немецкой оборонительной позиции.

За обратным скатом высотки минометные расчеты деловито, как муравьи, суетились у своих «адских труб».

– Oder 30 nach links! – 30 влево! – скомандовал наводчик у своей буссоли.

– Laden! – Заряжай!

Открыты ящики с боекомплектом, продолговатые оперенные мины перебрасываются с рук на руки минометного расчета, уходят в жерла труб.

– Werfer geladen! – Миномет заряжен!

– Feurbereit! – Готов к открытию огня!

Минометчики прикрывают уши ладонями.

– Feuer frei! – Огонь!

С гулким хлопком мина вылетает из гладкостенной трубы. Эти первые выстрелы – пристрелочные.

– Abgefeuert! – Выстрел произведен! – кричит один из минометчиков.

По разрывам пристрелочных выстрелов пошла и основная серия мин.

– 3 Schuss feurbereit! – К трем выстрелам готов!

– Feuer frei! – Огонь!

– 3 Schüsse Abgefeuert! – Произведены три выстрела!

– Feuer frei!

Минометчики бросали в жерла стволов один снаряд за другим. Мины не щадили ни своих, ни противника. Под огонь попали и бегущие немецкие солдаты, и преследующие их русские. Мясорубка. По-другому и не скажешь. Но все же снова ценой потерь, ценой огня по своим удалось остановить русских. После минометных залпов в дело снова вступили пулеметы. «Машингеверы» раскаленными потоками свинца косили тех, кто выжил после артналета.

Русские орудия и немногие уцелевшие танки тоже открыли разрозненный огонь. Они запоздало стремились поддержать жалкие ошметья пехоты в ее самоубийственном наступательном порыве. Но у русских не было должным образом налажено взаимодействие между родами войск. А потому и скоординировать огонь артиллерии они должным образом не смогли.

Когда рядом со штабным броневиком снаряд русских попал в стрелковую ячейку, Дитрих Шталльманн даже не пригнулся и не дрогнул. Вместо этого он выбрался из броневика и бросился к пулемету. Его расчет был убит осколками русского снаряда. Но сам Maschinengewehr-34 не пострадал. Рядом с оружием в лужах крови валялись располосованные тела, но гауптман даже не обратил на них внимания. Вместо этого он проверил пулемет, передернул затвор, установил прицельную планку и упер приклад MG-34 в плечо.

Дитрих Шталльманн выжал спусковой крючок, ощущая, как забилось стальное тело оружия. Темные силуэты в прицеле метались под ливнем раскаленного свинца. И падали, скошенные его стрельбой. Очень скоро пулеметная лента закончилась.

– Verfluchtische swein! – Проклятые свиньи! Тащите патроны!!! – На Дитриха было страшно смотреть: его лицо исказила жуткая гримаса, глаза чуть ли не выскакивали из орбит.

– Яволь, герр гауптман! – Сразу двое солдат бросились исполнять его приказание.

Вскоре смертоносная машина заработала снова. Дитрих Штальльманн стрелял и стрелял, водя раскалившимся стволом пулемета из стороны в сторону… Гауптман Штальльманн буквально сросся с ревущей машиной смерти. И на мгновение он даже почувствовал себя только лишь придатком к пулемету, маленькой деталью во всем этом гигантском механизме уничтожения. Маленьким винтиком, передающей шестеренкой между патроном и ударно-спусковым механизмом пулемета. И выпадет он по какой-либо вполне мелкой причине – например, чиркнет по горлу шальной осколок, и заменят его, Дитриха Штальльманна… Заменят другой такой же шестеренкой, другим винтиком, другим оловянным солдатиком… Как ни странно, сейчас он понял всю тщетность каких-либо усилий. Да, воевали люди, но что мог сделать одиночка в отношении этого механизма? Только беспрекословно выполнять чужую волю. Или – умереть.

Пока война была молниеносной, Дитрих Штальльманн не задумывался об этом. Поляки проявили упрямство на дипломатических переговорах по поводу Данцигского коридора. И в итоге Войско Польское было уничтожено за две недели, а страна – покорена. Французы, главные заводилы разграбления Германии по Версальскому договору, тоже поплатились. Ну, а потом машина войны стала перемалывать все новые и новые народы: Англия, Северная Африка, Балканы, Греция, Советский Союз…

И только здесь, под Москвой, когда «блицкриг» обратился в прах и деградировал до «мясорубки» Вердена, Дитрих Штальльманн задумался о смысле войны. Он так и не нашел ответов на свои вопросы и просто продолжал воевать. Прусская дисциплина, Устав Вермахта, личная доблесть «Der Helden an der Panzerwaffe» – героев танковых войск – вели его из боя в бой. И многие его сослуживцы, солдаты и офицеры Вермахта и СС, Люфтваффе и Кригсмарине, стали сражаться на огромной войне в соответствии с личными понятиями о чести, долге и достоинстве.

А вот русские сражались все вместе, ради единой цели – против самых безжалостных завоевателей. Красноармейцы воевали за свою Родину. И это был не пропагандистский лозунг, а суровая и вполне объективная реальность. Они умирали здесь сотнями, но все же продолжали атаковать!

Дитрих Штальльманн продолжал стрелять. До него не сразу дошло, что русские уже не наступают. Жалкие остатки их пехоты оставили передовую линию немецких траншей и откатились на исходные позиции.

– Feuerpause! – Огневая пауза!

– Яволь, герр гауптман!

В наступившей тишине слышались только стоны раненых на перепаханном снарядами и минами грязно-буром поле. Бедолаги, которых смерть немилосердно обошла, теперь мучились от ран и лютого мороза. Их тела коченели от ледяного дыхания сурового января и кровопотери. Люди умирали быстро.

Снег почти полностью растаял от взрывов и горячей человеческой крови. Целые ее ручьи текли по сырой земле и вязкими черно-бурыми лужами скапливались во все тех же воронках. И это не было преувеличением.

Везде, сколько хватало взгляда, только окровавленные коченеющие трупы. Och mein Gott! – О Боже! Что же за ад тут творится?!!

Вслед за первой последовало и еще несколько яростных атак. Русские уже шли в бой даже без поддержки танков. Их пехота перла на подготовленные позиции с упорством фанатиков. В этот раз солдаты гауптмана Штальльманна устояли, хоть и потеряли довольно много людей от ответного огня большевиков. Убитых и раненых вынесли из окопов санитарные команды. Погибших у пулеметов и орудий сменили другие солдаты.

Русские прорвались восточнее, на правом фланге. Оборонявший там позиции второй батальон Силезского полка был полностью смят и раздавлен. Войска Красной Армии сосредо-

точенным ударом взломали передовые укрепления Вермахта, но за сутки смогли пройти только четыре километра.

Jetzt ist alles aus! – Теперь все кончено! Ржевско-Вяземская «мясорубка» перемолола еще одну порцию пушечного мяса с обеих сторон…

Глава 4
Операция «Прометей»

Гвардии капитан Горелов, механик-водитель командирской «тридцатьчетверки» Степан Никифорович Стеценко выжили просто чудом. Когда над опушкой леса повисли две красные ракеты – сигнал к отступлению, в той роте, с которыми они наступали на немецкие позиции, осталось всего восемь человек. Все остальные остались лежать на этом проклятом поле – перед рядами немецких окопов, на втором рубеже обороны. На колючей проволоке, в залитых кровью воронках. От некоторых даже целых останков не осталось: только ошметки плоти и изорванные внутренности. Огневой налет немецких минометов прошелся косой смерти, а остальных добили пулеметы и винтовочные залпы из окопов. Многих красноармейцев пулеметные очереди гитлеровцев буквально перепиливали пополам…

Все поле перед немецкими окопами было усеяно телами наших солдат. Несмотря на мороз, снег местами стаял до земли от горячей человеческой крови, вытекающей из растерзанных безжалостным металлом и свинцом жил. Подтаявший снег местами так напитался кровью, что и сам стал розовым.

В немецких окопах тоже была «мясорубка». Разорванные плети колючей проволоки, поваленные рогатки разбитых противопехотных заграждений были залиты тевтонской кровью. В передовой траншее вповалку лежали тела немецких пехотинцев. Чуть дальше – развороченные позиции минометов. На бруствере валялся, задрав ствол кверху, пулемет MG-34.

Да, эта картина была далека от лозунга «В едином порыве могучим ударом!». Но такова цена стратегического просчета, и это – только начало.

* * *

Вернулись три танкиста тоже в никуда. От их танкового батальона осталось всего четыре машины. Из роты гвардии капитана Николая Горелова не уцелел ни один танк, ни один экипаж. Всех пожгли немецкие противотанковые пушки на подходах к укрепленным позициям.

Но долго отдыхать им не пришлось – на следующий же день всех троих уцелевших препроводили в штаб 29-й армии. Там с ними имел краткую беседу старший майор НКВД в присутствии командира танковой бригады.

– Товарищ Горелов, я ознакомился с вашими данными: воюете с первого дня, комбриг гвардии генерал-майор Катуков отзывался о вас как об умелом и отважном командире, опытном танкисте.

– Разрешите, товарищ главный майор госбезопасности?.. Что от меня нужно?

– Вы, гвардии капитан Горелов, назначаетесь командиром Особого батальона огнеметных танков. – Старший майор хмыкнул: – И фамилия у вас соответствующая. Как всем известно, нам сейчас не хватает снарядов для уничтожения укреплений фашистских гадов. Эти сволочи окопались здесь основательно – в районе сел Гущино, Иружа, Ранимцы. Эти населенные пункты, а точнее, линия укреплений гитлеровских войск имеет для нас сейчас важное значение. Их необходимо захватить и удерживать любой ценой.

Для увеличения нашей огневой мощи будут использованы огнеметные танки и другие огнеметные подразделения. Ваш Особый огнеметно-танковый батальон входит в состав Отдельной огнеметной бригады. В ней на вооружении кроме танков будут еще и ранцевые пехотные огнеметы и ампулометы для зажигательных капсул КС. С технической стороной операции и материальной частью командный и личный состав ознакомит инженер-майор Соколов. Само собой, и вооружение, и сама операция «Прометей» – секретны. Если информация будет

разглашена в какой-либо форме, вас расстреляют как предателя Родины по законам военного времени. Все понятно, товарищ гвардии капитан?

– Так точно, товарищ старший майор госбезопасности, понятно. – Горелов обратился к командиру танковой бригады: – Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

* * *

У гвардии старшины Стеценко новость особого энтузиазма не вызвала, скорее наоборот. Механик-водитель закурил махорку, выпустил клуб едучего дыма. Он был опытным солдатом, воевал еще в Зимней кампании 1939/40 года против Финляндии.

– Знаю я эти огнеметные танки, – ворчливо сказал он. – Легкие машины Т-26 горят как спички. Хотя если такой танчик подойдет к ДОТу или, скажем, к траншее, и как пустит клуб огня!.. – Гвардии старшина Стеценко выпустил клуб едкого махорочного дыма. – Проблема была только подойти… Броня-то у них, как и у обычных танков Т-26, была тонкая – противопульная. А белофинны ведь тоже не дураки! Приметили они эти танки и били по ним из всех стволов. А огнесмесь на борту детонировала так, что танк в секунду превращался в пылающий факел! Не-е, огнеметный танк – это стопроцентный смертник…

– Что ж, здесь мы все смертники, – твердо ответил гвардии капитан Горелов. – А лично я намерен столько фрицев на тот свет отправить, сколько успею! Приказ есть приказ!

– Ну, это понятно, командир. Полностью с тобой согласен: будем стоять насмерть, нам не впервой.

* * *

Степан Никифорович Стеценко был абсолютно прав. Легкие огнеметные танки ОТ-26 продемонстрировали высокую боевую эффективность в борьбе с укреплениями белофиннов. Однако и сами становились жертвами сосредоточенного огня противотанковой артиллерии.

И все же огонь был страшной силой. Кроме разрушительной мощи, он действовал еще и на психику, ведь пламя лесных пожаров преследовало первобытного человека с незапамятных времен. Да и в современную эпоху, пожары уничтожали городскую застройку в Москве и Лондоне, Париже и Вене. Пылал неоднократно Вечный город – Рим. Наполеон Бонапарт приказал сжечь Москву перед тем, как «старые ворчуны», его гвардия, покинули этот город.

Теперь разрушительная мощь огня была вновь поставлена на воинскую службу, но теперь уже на более высоком техническом уровне.

Первые попытки создать огнеметный танк делались уже в начале становления отечественного танкостроения. На базе первого серийного танка Советской России МС-1 – копии французского «Рено-ФТ» – была разработана огнеметная боевая машина ОТ-1. Однако он так и не пошел в производство.

Вообще, если быть точным, в Советском Союзе широко велись работы над «химическими» танками. Будущая война виделась такой же, как и Первая «мировая», – с широким применением химического оружия. Призрак ипра не давал покоя военачальникам. А к химическому оружию относили в 30-е годы не только боевые отравляющие вещества, но и зажигательные, «огневые» средства поражения. А также и постановки дымовых завес.

Согласно взглядам военных в 30-е годы, химические танки предназначались «*как для химического нападения или защиты, так и для прикрытия действия линейных танков. Эти танки могут быть использованы для организации заражения, установления дымовой завесы или дегазации местности. Некоторые из этих танков используются для огнеметания при действии линейных танков против живой силы и огневых точек противника. Химическое воору-*

жение, оборудование для постановки дымовых завес или огнемет, может быть установлено также и на некоторых линейных танках. Однако в этом случае трудно разместить достаточно мощное химическое вооружение и необходимое количество горючего ».

То есть роль «механических огнеметчиков» считалась для химических танков лишь только одной из возможных.

Работы над химическими танками развернулись на основании приказа Начальника вооружений РККА «О системе химического вооружения» от 28 августа 1931 года.

Господствовавшие в 1920–1930 годы взгляды на характер ведения наступательных операций требовали высоких темпов продвижения в глубь обороны противника, для чего были необходимы мощные и одновременно достаточно подвижные средства, позволяющие уничтожить или подавить мешающие продвижению узлы сопротивления.

Поэтому к началу 30-х годов советскими военными теоретиками была сформулирована мысль о необходимости создания бронированных машин, вооруженных мощными огнеметами. Такие танки можно было бы использовать для уничтожения противника, обороняющегося в полевых укреплениях и фортификационных сооружениях, а также для распыления боевых отравляющих веществ и постановки дымовых завес с целью прикрытия боевых порядков обычных линейных танков с фронта или с флангов. Согласно советской доктрине, такие танки, хотя и несли имущество химических войск, считались неотъемлемой частью бронетанковых подразделений.

Химические модификации с огнеметной аппаратурой разрабатывались практически для всех серийных и большинства опытных образцов танков. Первым реально воплощенным в металле самоходным огнеметом стала танкетка ХТ-27, получившая другое название – ОТ-27, построенная в 1932 году и принятая на вооружение Красной Армии.

Химические танки также строились на шасси плавающих Т-37, они назывались ХТ-37 или БХМ-4. А также и Т-38 – ХТ-38, легких танков непосредственной поддержки пехоты Т-26, быстроходных колесно-гусеничных танков БТ.

Главным разработчиком и поставщиком «танковых огнеметных приборов» с начала 30-х годов стал московский завод «Компрессор», выпускавший семейство пневматических огнеметов марки КС. Все они имели одинаковый принцип действия. Сильно сжатый воздух поступал из баллонов через редуктор, понижавший давление до рабочего, в резервуар с горючей смесью. Давлением воздуха смесь подавалась к брандспойту, через который сосредоточенной струей, поджигаемой бензиновым факелом на выходе, выпускалась на цель. Факел, в свою очередь, зажигался от электрической свечи. Окончательное приспосабливание аппаратуры для установки на танки производилось обычно уже конструкторскими бюро танковых заводов.

* * *

11 марта 1932 года Реввоенсовет СССР принял постановление «О придании механизированной бригаде химических и других средств для борьбы с закрепившейся пехотой противника». В соответствии с этим постановлением Военно-химическому управлению РККА предписывалось «*разработать опытный образец химического танка Т-28, оборудовав его прибором дымопуска, огнеметом и приспособив для заражения местности отравляющими веществами*». Разработку специального оборудования для химического танка поручили конструкторскому бюро завода «Компрессор».

Особенностью взглядов командования Красной Армии на применение огнеметного вооружения в довоенный период было то, что в них никогда не отрицалось значение огнеметов в современной войне. Подавляющее большинство командиров, из тех, кому посчастливилось избежать репрессий 30-х годов, прошли горнило маневренной Гражданской войны. Они

понимали, насколько важна оперативность и скорость перемещения подвижных соединений в сочетании с возросшей огневой мощью.

* * *

Между тем большинство зарубежных армий в результате неправильной оценки опыта Первой мировой войны пришли ко Второй мировой войне с недооценкой или даже с полным отрицанием значения огнеметного оружия.

И это тем более странно, что сам по себе огнемет – почти ровесник танка. Современные пехотные огнеметы в Первой мировой войне начали использоваться в боях всего лишь за год до того, как получили боевое крещение первые, громоздкие и неуклюжие еще танки.

Впервые солдаты Рейхсвера применили огнеметы в массовом количестве 30 июля 1915 года против англичан, и они достигли, пожалуй, большего морального эффекта, чем «сухопутные броненосцы». Дело в том, что огнемет оказался весьма полезным в окопной войне при поражении ДЗОТов, укрытий, защищенных пулеметных позиций, бункеров.

А поскольку даже первые огнеметы были весьма компактным оружием, то их впоследствии установили и на танках. Но произошло это, впрочем, не так уж и скоро – только в 1933 году. В бою такие машины, или, как их называли, танкетки – CV3/33, первыми применили итальянцы в 1936 году во время захватнической войны против Эфиопии.

Опыт войны в Испании, боевых действий на Халхин-Голе и особенно опыт советско-финляндской войны подтвердил, что огнеметное вооружение и вообще применение огня в качестве оружия не только не утратило своего значения, но, напротив, приобретает в современной войне еще большую роль.

Особенно эффективны огнеметные средства при прорыве укрепленной обороны с мощными долговременными сооружениями. К началу Великой Отечественной войны Красная Армия имела вполне сложившиеся взгляды на применение огнеметного вооружения в бою.

Считалось, что огнемет не решает самостоятельных боевых задач. Поэтому огнеметные подразделения должны были использоваться только в тесном взаимодействии с пехотой и танками, артиллеристами и саперами. Огнеметание требовалось комбинировать с ружейно-пулеметным огнем и штыковым ударом. Задача огнеметов в наступлении заключалась в выжигании обороняющегося противника из укрытий. Практика применения огнеметов в боях показала, что после огнеметания непораженная живая сила, как правило, оставляла укрытия и попадала под огонь стрелкового оружия и артиллерии. Одной из задач подразделений и частей фугасных огнеметов в наступлении было удержание захваченных рубежей и плацдармов. В обороне огнеметы предполагалось использовать внезапно и массированно – в тот момент, когда атакующий противник приблизится на дальность огнеметного выстрела. По боевому применению огнеметов и подготовке огнеметчиков были изданы соответствующие наставления и руководства.

* * *

Летом 1932 года первый образец химического танка на базе Т-26, оборудованный огнеметом пневматического действия, поступил на испытания.

Примерно в это же время для установки на линейные танки был создан танковый химический прибор ТХП-3. Он мог быть смонтирован на любой машине без переделок, был принят на вооружение РККА и выпускался на заводе «Компрессор». Правда, с лета 1934 года ТХП-3 предназначался уже только для «постановки дымовых и огненных завес» и получил индекс ТДП-3 (танковый дымовой прибор). К концу 1936 года завод «Компрессор» изготовил 1503 таких прибора.

Что касается функции выпуска отравляющих веществ, то оказалось наиболее целесообразным придать ее танку, оборудованному огнеметом. В 1933 году боевая химическая машина БХМ-3, другое ее обозначение – ХТ-26, была принята на вооружение. За период с 1933 по 1936 год было изготовлено 615 химических танков ХТ-26.

В башне танка устанавливались огнемет и пулемет «Дегтярев-танковый» с боекомплектом полторы тысячи патронов. Дальность огнеметания смеси мазута и керосина составляла тридцать пять метров. Количество секундных выстрелов – семьдесят. За один выстрел под давлением сжатого воздуха выбрасывалось пять литров огнесмеси. Поджигалась смесь от факела горящего бензина, а бензин – от электрической запальной свечи.

В зависимости от боевой задачи бак ХТ-26, помимо огнесмеси, мог заполняться дымообразующей смесью типа «S-III» или «S-IV», отравляющими веществами стойкого или нестойкого типа, а также водой или мыльной жидкостью для дегазации местности. Для распыления отравляющего вещества и дымопуска использовался распылитель, располагавшийся в кормовой части машины.

На базе легкого танка Т-26 было создано целое семейство огнеметных боевых машин. Развитие огнеметных танков, созданных на основе Т-26, завершилось созданием наиболее совершенной модификации ХТ-134.

Наиболее существенным недостатком огнеметных машин предыдущих вариантов, начиная с ХТ-26, кроме их слабой брони, было отсутствие пушечного вооружения. Это практически полностью исключало возможность эффективной борьбы с бронетехникой противника. А ведь даже для легкого танка или самоходки огнеметная машина была сравнительно легкой добычей.

Чтобы исправить эту недоработку, конструкторский коллектив завода № 174 разработал на базе Т-26 образца 1939 года новый вариант танка, на котором пневматический огнемет устанавливался в верхнем лобовом листе корпуса, а бак с огнесмесью был расположен в кормовой части подбашенной коробки. Основное вооружение легкого танка при этом сохранили, оставив в башне 45-миллиметровую пушку 20К и спаренный с ней 7,62-миллиметровый пулемет Дегтярева. Но самое главное – бронезащита была усилена за счет установки дополнительных 30-миллиметровых броневых экранов на башню и подбашенную коробку. Это позволило выдерживать огонь 20-миллиметровых и 37-миллиметровых противотанковых пушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.